

Деревенское колдовство

Коми-пермяки — что в цивилизованных райцентрах, что в спрятанной за скачущими ухабами просёлков и петляньем рек лесной глубинке — могут от чистого сердца креститься, заходя в церковь, и считать себя вполне верующими людьми, но при этом с почтением относятся к своему верховному богу Ену и уверены в существовании родной пермяцкой нежити.

Однако же и в XXI веке молодой семье на свадьбу дарят родовую наследственную ценность — стол, сделанный из громадных размеров старинной иконы. Обратная сторона исчищена столовыми ножами, а какой-то смутно-различимый апостол со свитком в руке принуждён уставиться в пол. Библиотекарьша в норковой шапке, с правильным городским выговором заявляет, что в Иисуса Христа она, конечно, верит, но величает его Еном. Признаётся, что бабушка у неё была травницей, а талант знахарки передаётся по наследству. Детей и внуков к врачам не водит, интуитивно чувствует, какую болезнь чем следует лечить. Притом настаивает, что знахарка и колдунья — это совершенно разные «специальности». В чём разница? Как определить колдуна? О, это непросто, можно только догадаться. По каким-то мелким предметам в его обиходе. По травам, которыми пользуется. Опять-таки, если случилось что-то неприятное, значит, надо приглядеться к соседям, наверняка кто-то порчу навёл.

Попытки расспросить про колдовские наговоры наталкиваются на несознанку.

— Может, кто-то этим и занимается, который в это верит... Знают какие-то слова... Хотя, если скотину держишь, обязательно надо этим заниматься. В рождественские дни наговоры очень помогают, чтоб урожай и приплод были обильные.

Внучки и дочки травниц становятся фельдшерницами, совмещая медицинскую учёность с традиционным знахарством. С удовольствием делятся целебными свойствами здешней флоры. Вытащат картонную коробку из-под импортной микроволновки, перекалывают пучки сушёных трав, перетряхивают гремучие связки кореньев. Корни сабельника от болезней суставов, мать-и-

Вэр дядь

мачеха очень крупная растёт на наших глинах — отхаркивающее, чёрная трава — не знаю, как она по-научному, бабушка говорила: от нервных припадков. В ведро её клали, поджигали, накрывались чем-нибудь и дышали дымом. Синыхуа у нас в народе заменяет но-шпу.

Потом, притишив голос, добавляет как бы необязательное:

— Есть много способов вылечиться и без трав.

Многозначительно-загадочно:

— Всё поправим, коли надо. Другими способами даже и лучше.

Но как попросишь поделиться наговорами, сразу молчок, соберёт свои целебные пучки и замкнётся в немоте, куда-то под потолок позыркивая.

Здешние колдуны не дают объявлений в газеты и ТВ о своих чародейских услугах, потому что колдун — это, в общем-то, норма. А вот которые в церковь ходят, те и есть настоящие-то волхвователи.

— Япри церкви нашей кручусь, вожусь, помогаю, в общем. Однажды попалась мне там чёрная бабушка. За плечо меня — раз. Сколькo я потом плечом болел!..

Полупьяный рассказчик в селе Ёгва и сам себя готов выдать за колдуна, лишь бы на опохмелку дали.

— Но бывают в церкви и белые, добрые старушки. Они видят, кто как живёт, чё почём... Десять рублей у тебя есть?

Время прибавляет свои толкования загадочным способностям пермяков. Бригадир колхозный тоже считался «тэдысь», то есть «знающим», поскольку ведал, когда сеять, когда жать. Морок эзотерических сект и доступность печатного слова, что пропагандирует излишние умствования, тоже даром не проходит. Целительница из деревни Корчёвня объявляет себя ещё и ясновидящей. Демонстрирует отпечатанные на принтере и посаженные на пластиковые пружины офисным перфоратором-брошюровщиком книги собственного сочинения. Листая «Мир моей души», поясняет:

— Пишу стихи, песни. Однажды задала себе вопрос: кто же я такая? И пока писала эту книжечку, нашла ответ. Оказывается, не простой я человек. Бог выбрал меня и через моё посредство проводит проект, как человеку сейчас снова войти в единение с природой.

Берегись чёчкама!

В далёкое, от праздного любопытства укрытое сквернодорожьем село Пармайлово, пренебрегая ухабами, едут и едут корреспонденты, художники и иностранцы. Недавно двое негров заявили. Весёлые: похватили местных баб и устроили танцы прямо на дороге. Геннадий Фёдорович Утробин впервые видел арапов живьём. До того созданный им музеем пермяцких чудов посещали поляки, французы и прочие европейские народы.

Дядя Гена Утробин уже седьмой десяток разменял, а начал вырезать деревянных коми-пермяцких идолов ещё смолodu. В совхозе работал трактористом, домой возвращался уже к вечеру и брался за инструмент: бензопила, топор большой, топорик поменьше и полукруглая стамеска. «Рубить надо в поте лица», — признаётся. За тридцать лет нарубил и настрогал целый бестиарий чудов: кузькыв — «длинный язык», заставляющий сквернословить, уна юра диво — многоголовое диво, сюра пеля — чудище с рогами и развесистыми ушами. Некоторых изваял по рассказам стариков, о других прочёл в фольклорных книгах, а вэр дядь ему самому однажды повстречался.

— Лешие есть, только у них гипноз сильный, — объясняет Утробин. — Его и не увидишь. И я не видел, он меня